лись и обогащали своих приближенных, создавая угрозу второй пугачевщины. В этот разряд входили и Воронцовы, и Щербатов и многие другие.

Из «Автобиографии» С. Р. Воронцова мы узнаем, что в год екатерининского переворота (1762) Воронцовы были на стороне Петра III, вместе с канцлером М. И. Воронцовым, отказавшимся присягать Екатерине II. В турецкую войну 1770 года С. Р. Воронцова обошли чином. Потемкин к нему не благоволил; кроме того С. Р. Воронцов уже в пору своей службы послом в Англии был обременен долгами (как впрочем и большинство русского дворянства). У Щербатова и других были свои основания для недовольства.

В своих мемуарах о России Массон, дворянский либерал, зараженный веяниями революции, сильно преувеличив оппозиционность настроений аристократии, отметил, что Москва являлась средоточием оппозиционного дворянства.

«В России существуют среди высшей знати даже при дворе благородные и гордые души, — писал Массон, — которые, не будучи сторонниками свободы и равенства, относятся с глубоким отвращением к тому унижению и лжи, которых требуют от них. Деспотизм удовлетворяет только варваров, но такими не являются русские родовитые люди».

В другом месте Массон писал:

«Многие из этих фамилий владеют до двадцати тысяч душ, городами, пушками, безграничными богатствами и, что еще важнее, имеют родственниками генералов и руководителей армий. Это значительно больше, чем было бы нужно. И с помощью одного сражения дело надо думать было бы решено в их пользу, а не против них».[1]

Особое место в борьбе классов в России уже со второй половины XVIII в. занимает разночинная интеллигенция. Ее ряды, как и в XIX в., пополнялись всеми сословиями, но она была лишена той значительности, которую приобрела в XIX в.

Между тем те черты, которые характеризуют собой разночинную интеллигенцию в XIX в. — утопический социализм и народничество — своеобразно намечаются уже в XVIII столетии.

В XVIII в. в защиту крестьянства с особенной силой говорят не публицисты и писатели дворянства или купечества (последних

---

[1] Mémoires secrets sur la Russie, 1800, t. II, p. 39.